

8. *Мартыненко, Т. И.* Диалогическое единство: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т. И. Мартыненко. – Ростов н/Д., 2005. – 170 л.
9. *Маркина, Л. С.* Конструктивный анализ четырехчленного диалогического единства (на материале англ. яз.) / Л. С. Маркина. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та, 1973. – 39 с.
10. *Земская, Е. А.* Русская разговорная речь / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1978. – 307 с.
11. *Ермакова, О. П.* К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского языка) / О. П. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык и его функционирование: коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993. – С. 90–157.
12. *Формановская, Н. И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – М., 2007. – 480 с.
13. *Славова, Л. Л.* Типология коммуникативных неудач (на материале соврем. англ. речи) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. Л. Славова. – Киев: Киев. гос. лингвист. ун-т, 2000. – 19 с.
14. *Синицына, А. Н.* Метакоммуникативные единицы и их роль в организации и регуляции англоязычного диалогического общения : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. Н. Синицына. – СПб., 2005. – 223 л.
15. *Голетиани, Л.* Коммуникативная неудача в диалоге / Л. Голетиани. – Мюнхен, 2003. – 412 с.

The article is devoted to the study of the most frequent causes of a dialogic unity complication, as well as the identification of possible correlations between the causes of complication and the structural type of a dialogic unity. The analysis revealed a connection between the structural model of a complex dialogic unity and the position of the remark, providing complexity.

Поступила в редакцию 09.04.2020

А. Р. Чернецкий

РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ ОСКОРБЛЕНИЯ В ПРЕДКОНФЛИКТНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СИТУАЦИЯХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ (на материале французского и белорусского языков)

В статье рассмотрены языковые средства реализации речевых тактик оскорбления в предконфликтных ситуациях общения на французском и белорусском языках. Выражение этих тактик анализируется через вербальные и социальные компоненты коммуникативных ситуаций, влияющие на прагматический потенциал используемых языковых средств воздействия на собеседника.

В большинстве современных лингвистических исследований речевые конфликты анализируются с позиции говорящего. Однако следует учитывать и фактор адресата, т.е. «исследовать речевое взаимодействие коммуникантов» [1, с. 82].

Анализ научной литературы показал, что комплексных сопоставительных исследований вербализации тактики оскорбления в предконфликтных коммуникативных ситуациях на материале французского и белорусского языков до сих пор не проводилось.

В данном исследовании прагмалингвистический анализ реализаций тактики оскорбления на французском и белорусском языках построен на изучении конфликтных коммуникативных ситуаций в *предконфликте*.

Использование речевых стратегий конфронтации в рамках изначально неконфликтной коммуникативной ситуации может перевести ее в конфликтную. Такую потенциально конфликтную ситуацию общения мы будем называть *предконфликтной*. Ее характерной особенностью является то, что при вступлении в коммуникацию речевое взаимодействие развивается по неконфликтному типу, и лишь какое-либо высказывание одного из участников диалога вынуждает другого прибегнуть к смене стратегии кооперации на стратегию конфронтации.

Понятию *оскорбление* толковый словарь дает следующее определение: оскорбляющий поступок, оскорбляющие слова (например, *осыпать оскорблениями, тяжкое оскорбление*) [2, с. 453]. В рамках данного исследования будут рассматриваться только случаи употребления тактики вербального оскорбления.

Прагматически тактика оскорбления направлена на то, чтобы выразить противоречия во взаимоотношениях собеседников, показать адресату презрение и неуважение, произнести в его адрес слова, задевающие его самолюбие. Ее воздействующий эффект – вызвать у адресата чувство обиды за посягательство на его честь и достоинство, а также соответствующую реакцию на это. Тактика оскорбления обладает наивысшим конфликтным потенциалом, ее употребление часто приводит к усугублению существующей конфликтной коммуникативной ситуации либо к перерастанию предконфликтной ситуации в настоящий конфликт.

Стратегия конфронтации может реализовываться с помощью языковых средств, выражающих негативные эмоции по отношению к собеседнику, таких как инвективы, оскорбления [3]. Угрозы и оскорбления – это «самый откровенный из всех типов вербальной агрессии». При этом могут использоваться «инвективы, нецензурные слова, слова с отрицательным переносным и эмоционально-окрашенным значением». Вербальный агрессор зачастую в своих высказываниях обесценивает опыт, достижения, чувства и переживания партнера [4, с. 105].

Речевая агрессия предполагает использование речевых средств, наносящих боль, оскорбления. Это могут быть негативные отзывы и критические замечания, выражение отрицательных эмоций (недовольства другими, затаенной обиды, недоверия, ярости, ненависти) в форме брани; высказывание мыслей и желаний агрессивного характера; упреки, обвинения; угрозы [5, с. 109].

Вербальная агрессия может выражаться в форме шуток или насмешек. «В основном это унижительные комментарии, направленные против личности речевого партнера и его интеллектуальных способностей или компетенции» [4, с. 105].

Обратимся к реализациям тактики оскорбления во французском и белорусском языках (извлеченным из современной художественной литературы реалистического жанра).

Проявление умственных или физических недостатков одного коммуниканта в ситуации общения (речевой и неречевой конфликтогены соответственно) может стать объектом *оскорбления-насмешки* со стороны его собеседника.

La voiture s'arrêta devant une grille au dessin majestueux.

– *Donne, dit Rémy.*

Il voulut ouvrir lui-même. Les gonds étaient rouillés. Il poussa vainement de toutes ses forces. Son oncle descendit.

– ***Laisse ça, mauviette.***

La grille céda devant lui et il reprit le volant, sans se presser [6, p. 49–50].

Дядя с племянником Реми подъезжают на машине к воротам дома. Реми выходит из машины и изо всех сил пытается открыть заржавевшую решетку, но она не поддается. Ему на помощь приходит дядя и, чувствуя свое превосходство в силе и искренне веря, что ему удастся открыть решетку, просит племянника посторониться (*Laisse ça* ‘**Оставь это мне**’), называя его *mauviette* ‘**слабаком**’. Прямое *оскорбление-обращение* с номинацией реальных физических характеристик адресата (в данном случае – силы) вдвойне успешно, так как подтверждается последующим действием говорящего: дядя справляется с воротами и, вновь демонстрируя свое превосходство, с видом победителя медленно садится в машину.

Аднойчы на перапынку Вера сказала:

– *Давайце пойдзем да старшыні калгаса. Пра свінарнік спытаем... Колькі ён будзе стаяць на беразе Гайны? Абяцалі знесці – і не зносяць... А жыжжа цякла ў раку і цячэ...*

– *Табе больш за ўсіх трэба – ты і напамінай, – Ядзя... кліва прыжмурыла свае чорныя вочкі... **Ой-ёй-ёй, задавака! Лени бы сваё рабацінне адмыла... царэўна-лебедзь...***

– ***Прыдуркі!*** – *не вытрымала Вера і выбегла за дзверы* [7, с. 256–257].

Оскорбление часто используется вместо или совместно с императивом при обращении к лицу с более низким статусом для подчеркивания статусных различий между коммуникантами.

– *On va le foutre dans le placard, chef, propose le second policier...*

– ***Tu as raison, bonne idée! On verra pas sa sale gueule, acquiesce le grand brun aux dents de loup. Allez, ouste, charogne, dans le trou noir...***

Raphanaud est poussé dans la petite penderie. Les deux gestapistes lui attachent les poignets avec des menottes à la tringle des portemanteaux [8, p. 98–99].

Два гестаповца захватывают борца Сопротивления Рафано на явочной квартире, и один из них предлагает старшему по званию временно запереть Рафано (*On va le foutre dans le placard, chef* ‘**Запрем его в стенном шкафу, шеф**’).

Командир соглашается, добавляя, что это надо сделать (*On verra pas sa sale gueule* ‘**Чтобы не видеть его мерзкую рожу**’). Обращаясь к задержанному, гестаповец подгоняет Рафано (*Allez, ouste* ‘**Вперед**’), называя его *charogne* ‘**падаль**’, и запирает в шкафу. В речи офицера гестапо присутствуют два оскорбления: метонимическое *sale gueule* ‘**мерзкая рожа**’ и прямое оскорбление-обращение *charogne* ‘**падаль**’. Оба оскорбления уместны в коммуникативной ситуации с нисходящим статусным вектором, передают пренебрежение говорящего к адресату и его превосходство над ним, а также выполняют функцию побуждения.

– *Хто табе [шарфюрэру] дазволіў браць рускіх у «аўзэнкомандо»?*

– *Ніхто, гэр штандартфюрэр!*

– *Здаць зброю дзяжурнаму і над арышт! Заўтра я да цябе, надраная ты галёша, дабаруся, пачакай!.. Будзеш ты вошай цяпер карміць у аконах, падла смярдзючая!* [9, с. 54].

В неконфликтном общении двух родственников или просто хороших знакомых с оскорбления-обращения снимается всякая конфликтная направленность.

– *On s'arrête là. Assieds-toi.*

– *D'accord! Un peu de gnôle, d'abord!*

– *Ma gnôle, c'est du gin.*

Anthime ricane et se met à tousser...

– *Tu me fais rigoler avec ton gin, dit-il.*

– *Mais non, crétin! Je préfère le gin au marc; voilà tout.*

Anthime regarde Philippe avec sympathie... En s'adressant à lui de cette manière, Philippe flatte son orgueil de sexagénaire... On lui parle comme à un jeune homme... [10, p. 116–117].

Антим и его молодой инструктор Филипп останавливаются в горах на привал по предложению Филиппа (*On s'arrête là. Assieds-toi* ‘Остановимся здесь. Садись’). Антим просит немного спиртного, прежде чем продолжить путь (*Un peu de gnôle, d'abord!* ‘Но сначала немного выпьем!’). Когда Антим слышит, что инструктор взял с собой только джин, ему становится смешно (*Tu me fais rigoler avec ton gin* ‘Ты меня смешишь своим джином’). Филипп объясняет, что больше любит водку (*Je préfère le gin au marc* ‘**Я просто предпочитаю джин водке**’), и называет Антима *crétin* ‘**дурачок**’. Антим не обижается, так как ему нравится доверительное отношение молодого человека к нему – старику (*Philippe flatte son orgueil de sexagénaire* ‘Филипп льстит самолюбию шестидесятилетнего старика’). Тактика оскорбления (*crétin* ‘**дурачок**’) используется здесь в общении хорошо знакомых людей с целью эмоционального сближения с партнером по коммуникации и не реализует стратегию конфронтации.

– *Ды разумей ты, дурыла, – ушчуваў Корбута сябар, – што сваім цюхцяйствам ты нічога не дакажаеш! Дзяўчаты любяць рашучых, настойлівых людзей, як Віктар...*

– *Не ўспамінай пры мне яго імя! – выбухаў Корбут.*

– *Добра, не буду, – згаджаўся Віконт... [11, с. 249–250].*

В предконфликтных коммуникативных ситуациях оскорбление может выражаться в неявной форме с помощью стилистического приема антифразы (иронии) и/или непрямого обращения к объекту оскорбления.

– *Bonjour, monsieur.*

– *Et ton copain, il ne vient pas?*

– *Si, il va descendre.*

– *Il a pas l'air de courir après la besogne, celui-là!*

Enrique descendait l'escalier. Se tournant de son côté, le patron lança:

– ***Tiens, voilà le courageux. Il arrive quand c'est fini...*** [12, p. 49–51]

Ранним утром, когда все уже были готовы ехать на виноградники, главный винодел подзывает к себе Пабло (*Venez par là!* ‘Идите сюда!’), одного из двух молодых наемных работников, и интересуется, почему не приходит его товарищ Энрике (*Et ton copain, il ne vient pas?* ‘А твой приятель не идет?’). Видя, что Энрике неспешно спускается по лестнице, хозяин, фактически обращаясь к нему с укором, формально реализует направленное на третье лицо ироническое оскорбление (*Tiens, voilà le courageux* ‘А вот и наш смельчак’). Такая ненаправленная адресация (благодаря указательной частице *voilà* ‘а вот и’) косвенного оскорбления-насмешки (ввиду использования приема антифразы) предназначена для смягчения негативного воздействующего эффекта и обычно используется во избежание перерастания предконфликтной коммуникативной ситуации в собственно конфликтную.

– *Ты надрукаваў на ксераксе тысячу экзэмпляраў нікчэмнага вершыка і наслаў ва ўсе выданні, ад «Правды» да апошняй раёнкі. Дзе ж этыка?*

– *Якая этыка?.. Толькі пікні, дык цябе першага, як стану самым галоўным у вашым Саюзе, адтуль выганю!*

Юзя казаў так, і было незразумела: жартуе ці не?

– *А што, – уздыхнуў паэт, – у наш час усё можа быць. ...Толькі, скажу табе, напаяўкалега, зараз многія табе падобныя, ды і іншыя, спяць і ба-чаць, як зганьбіць наш Саюз... Так і ты, дай табе толькі ўладу.*

– *Смейся, смейся, – не крыўдзіўся Юзя. – ...Гэта ты ад бяссілля...* [13, с. 422–423].

Употребление в пределах одного высказывания нескольких однородных тактик конфронтации обычно усиливает их эффективность.

Cueilli par la lumière crue des lampadaires qui inondent la pièce, Raphanaud cligne douloureusement des yeux.

– *Bon sang! Raphanaud! lâche nerveusement Vidal en reconnaissant la silhouette trapue de l'homme au pull-over.*

Le traître... bondit sur ses courtes jambes pour tenter d'échapper aux regards du prisonnier. Le Troyen voit le manège désespéré et fixe durement le petit homme.

– ***C'est bien toi, mon salaud! On ne peut pas oublier une pareille ordure de pourri...***

Une vigoureuse bourrade dans les côtes stoppe net les menaces du résistant [8, p. 102].

Гестаповцы входят в комнату, в которой они заперли заключенного Рафано, и зажигают фонари. Когда проходит ослепление после яркого света, заключенный узнает в одном из вошедших своего бывшего товарища Видаля, который предал Сопротивление и долгое время находился в розыске. Видаля, в свою очередь, узнает Рафано (*Bon sang! Raphanaud!* ‘Проклятье! Рафано!’) и тщетно пытается не столкнуться с ним взглядом. Рафано, глядя на предателя, не может удержаться, чтобы не оскорбить его: назвать в прямой номинации *mon salaud* ‘подлец’ и метафорически – *ordure de pourri* ‘продажная шкура’. Ввиду явно низшего статуса заключенного его множественные оскорбления бесполезны и прерываются ударом.

– Ты ж абяцаў... Няўжо табе нікога не шкада? – ціха спытала Вера, ледзьве стрымліваючы сябе, каб не заплакаць.

– Верачка, дачушка! Я не хацеў, мяне ўгаварылі, я адмаўляўся...

На ганак выскачыла маці, і яе голас узвіўся ў ранішняй цішыні вісклівым крыкам.

– Што, сілком прымусілі, напаілі?! Бедненькі, няшчасненькі... Сірата казанская? Алкаш, смоўж, п’яўка!

– Заціхні! – амаль прашаптаў бацька. Ён узяў рукі як пры малітве. – Я прашу цябе, людзі чуюць... [14, с. 182].

Несправедливость, подлый поступок собеседника могут вызвать использование нескольких неоднородных тактик конфронтации, например, прямого оскорбления в сочетании с одной из других тактик конфронтации.

– *Dis donc, vieux, demande l’homme, je sais que tu as un rasoir... Tu me le prêtes?*

– *Je te le confie, avertit-il, mais fais bien attention de ne pas te le faire piquer par les boches!*

L’autre, sans même remercier, s’empare du rasoir et court directement le remettre à un Feldwebel qui semblait n’attendre que cela...

– *Toi, mon salaud, rumine Raphanaud, tu vas me payer ça cher!*

Le mouchard, protégé par un groupe de prisonniers goguenards, fait rapidement son balluchon et quitte la grande chambrée empuantie [8, p. 45–46].

В лагере военнопленных у заключенного Рафано другой заключенный, с которым Рафано не знаком, просит бритву (*je sais que tu as un rasoir... Tu me le prêtes?* ‘я знаю, что у тебя есть бритва... Одолжишь мне ее?’). Рафано колеблется, но, видя его недельную щетину, дает ему лезвие во временное пользование (*Je te le confie* ‘Я тебе его вверяю’), предупреждая, чтобы оно не попало в руки к немцам. Однако Рафано видит, что заключенный сразу относит бритву поджидавшему немцу. В приступе с трудом сдерживаемого гнева (*rumine Raphanaud* ‘говорит сквозь зубы Рафано’) он угрожает расплатой (*tu vas me payer ça cher!* ‘ты мне за это дорого заплатишь!’), называя предателя *salaud* ‘подлец’. Оскорбление сопровождается притяжательным прилагательным *mon* ‘мой’, выполняющим в подобном контексте дистанцирующую функцию. Реализованная тактика не может быть успешной ввиду отсутствия адресата (бородатого заключенного-предателя) в пределах слышимости.

Янка анямеў ад нечаканасці, разгублена заморгаў і, як толькі закончылася лятучка, адразу ж зацёг у цёмны кут:

– Ты што, ашалеў ці... – пакруціў пальцам ля скроні. – Зрух на фазе?! Асёл! Табе літаратуру трэба рабіць, а не гэтыя дурацкія артыкулы. На якога ж чорта я хадзіў, уламваў шэфэ?! [14, с. 197]

Как видим, тактика оскорбления, как и другие тактики конфронтации, встречается исключительно в коммуникативных ситуациях, отмеченных конфронтацией, соперничеством, наличием противоречий во взглядах, мнениях, намерениях. Приемы реализации речевых тактик конфронтации в предконфликтных коммуникативных ситуациях отвечают требованиям сглаживания форм выражения негативных интенций с целью избежания возможного конфликта.

Исследуемая речевая тактика конфронтации может выполнять целый ряд прагматических функций в зависимости от ее лингвистического оформления и контекстуальных параметров ситуации общения. Так, в межличностной коммуникации ситуации, в которых намерение говорящего, реализующего тактику оскорбления, не сопровождается другой интенцией, – довольно редкое явление. Чаще всего говорящий, помимо желания оскорбить собеседника, с помощью тактики оскорбления пытается побудить его к действию или отговорить от его исполнения, убедить в своей правоте или переубедить заблуждающегося собеседника, подчеркнуть свое физическое/моральное/статусное превосходство над ним.

В реализациях тактики оскорбления основными лексическими средствами выражения выступают разнообразные слова и словосочетания уничижительного характера, инвентарь которых значительно расширяется за счет включения в него лексем, ситуативно приравняемых к уничижительным.

Тактика оскорбления, как самая конфронтационная тактика, наименее частотна в конфликтном общении ввиду ее антисоциального характера и приводит к усугублению межличностного конфликта между коммуникантами. Кроме «чистого» оскорбления, она может выразить в речи насмешку – оскорбление, связанное с указанием на имманентные недостатки адресата, которые он проявляет в данной коммуникативной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сухих, С. А. Языковая личность в диалоге / С. А. Сухих // Личностные аспекты языкового общения : межвуз. сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т ; редкол.: И. П. Сусов (отв. ред.) [и др.]. – Калинин, 1989. – С. 82–87.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : АЗЪ, 1995. – 999 с.
3. Ячкова, О. В. Языковые средства, реализующие стратегии кооперации и конфронтации в реалии-шоу (на материале немецкого языка) / О. В. Ячкова // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Сер. Общественные и гуманитар. науки. – 2008. – С. 401–405.

4. *Чернобровкина, Е. П.* Речевая агрессия в молодежной субкультуре : защита или нападение? / Е. П. Чернобровкина, Р. С. Суворовцева // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 104–110.
5. *Простакишина, Н. П.* Вербальная агрессия и основные формы ее проявления в молодежной среде (на примере студентов филиала ФГБОУ ВПО «ВГУЭС» г. Находка) / Н. П. Простакишина, Е. С. Шпак // Молодой ученый. – Казань. – 2014. – № 3. – С. 108–110.
6. *Boileau-Narcejac.* Le mauvais oeil / Boileau-Narcejac. – Paris : Denoël, 1976. – 221 p.
7. *Зарэмба, М.* Дзень магнітнай буры : аповесці / М. Зарэмба. – Мінск : Юнацтва, 1992. – 280 с.
8. *Fleury, G.* Le Guerrier / G. Fleury. – Paris : Éd. Grasset & Fasquelle, 1989. – 572 p.
9. *Карпюк, А. Н.* Пушчанская адысея : аповесць, апавяданні / А. Н. Карпюк ; уклад. Ю. Пацюпы. – Мінск : Мастац. літ., 2009. – 527 с.
10. *Moustiers, P.* La paroi / P. Moustiers. – Paris : Gallimard, 1972. – 189 p.
11. *Адам, М. М.* Шоўк : аповесці, раман / М. М. Адам. – Мінск : Мастац. літ., 2013. – 366 с.
12. *Clavel, B.* L’Espagnol / B. Clavel. – Paris : Éd. R. Laffont, 1959. – 448 p.
13. *Саламаха, У. П.* ...І няма шляху чужога : аповесці / У. П. Саламаха. – Мінск : Мастац. літ., 2014. – 495 с.
14. *Блакiт, В.* Усмешка Фартуны : аповесці / В. Блакiт. – Мінск : Юнацтва, 1984. – 288 с.

The article is devoted to the identification of linguistic means of the speech tactics of insult in pre-conflict situations of communication in French and Belarusian. The expression of the tactics of insult is analysed through the verbal and social components of the communicative situations that affect the pragmatic potential of used language means to influence the interlocutor.

Поступила в редакцию 06.02.2020

Чэнь Тин

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЧЕТАЕМОСТИ АНГЛИЙСКОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО *STONE* ‘КАМЕНЬ’ И ЕГО КИТАЙСКОГО КОРРЕЛЯТА 石 [SHÍ]

В статье рассматриваются результаты сопоставительного анализа двухсловных субстантивных словосочетаний коррелятивных слов в генетически неродственных английском и китайском языках. На основании проведенного анализа корпусных данных о наиболее часто сочетающихся словах с английским существительным *stone* ‘камень’ и коррелятивным китайским словом 石 [shí] установлены основные виды сходств и различий в их синтагматических связях.